

А. Ф. Лосев

Дерзание духа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л79

Лосев А.Ф.

Л79 Держание духа / А. Ф. Лосев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-458-33193-7

Книга известного советского ученого профессора А. Ф. Лосева в живой форме раскрывает существо многих «вечных» идей, побуждает читателя к активному овладению богатством духовного наследия философской классики, помогает постичь красоту творческих усилий личности, соотнести абстрактные научные понятия с житейской практикой. Большое место в книге занимает этико-мировоззренческая проблематика. Рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-458-33193-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

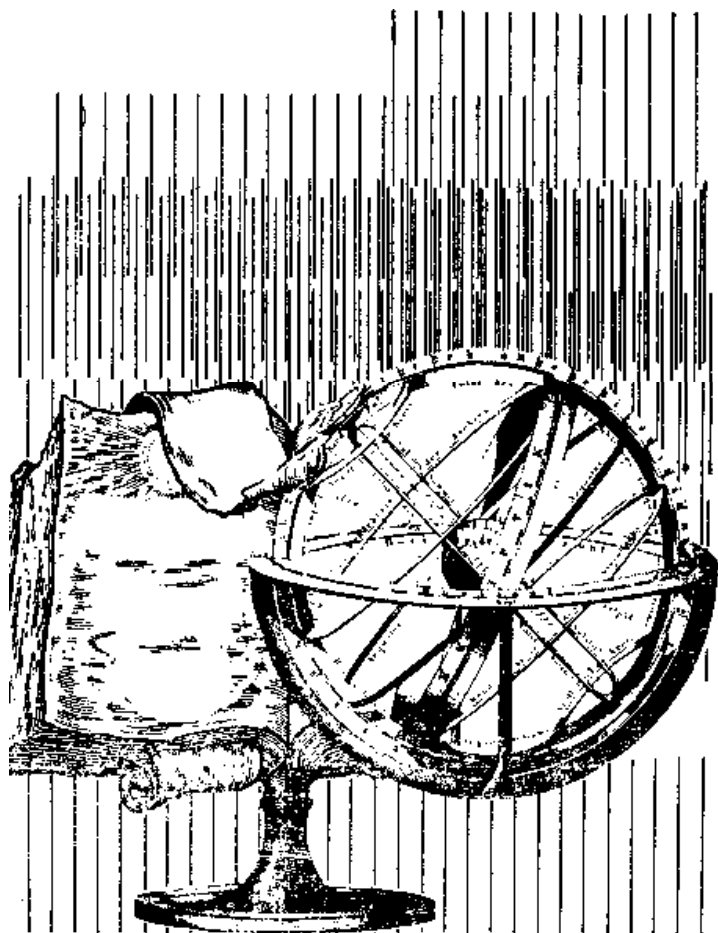

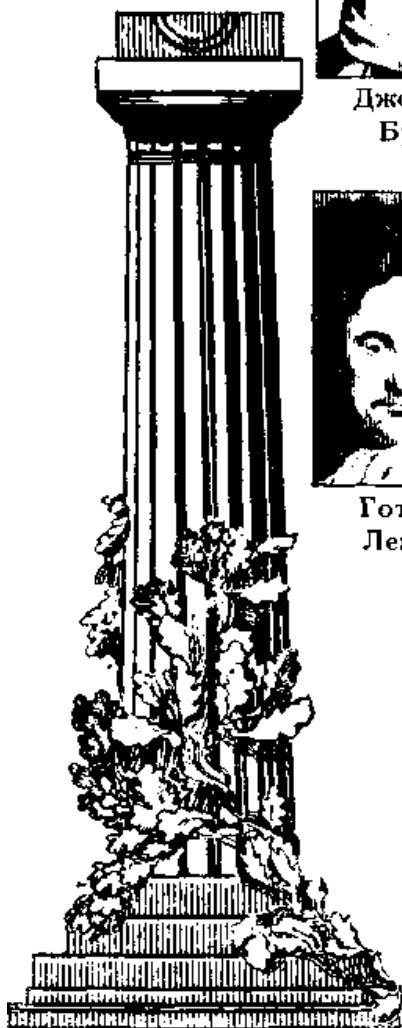
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

УЧИТЬСЯ ДИАЛЕКТИКЕ

Джордано
Бруно

Фрэнсис
Бэкон

Готфрид
Лейбниц

Иммануил
Кант

КАК ЖЕ НАУЧИТЬСЯ ДУМАТЬ?

Однажды у входной двери моей квартиры раздался звонок. Сказали, что пришел какой-то студент, как он говорит, по очень важному делу. Я попросил пригласить его.

— Здравствуйте,— сказал вошедший ко мне.— Я Чаликов, студент.

— А,— сказал я,— садись. Что это ты ко мне забрел? Какими ветрами?

Чаликов сел и в очень серьезном тоне заговорил так:

— Только я не за консультацией. Нет-нет, я по-серьезному.

— А что же консультация — это не серьезно?

— Я не о том, я, знаете ли, хочу научиться мыслить. Как мне научиться мыслить?

— Ишь куда метнул! — сказал я.— Чего это тебе приспичило?

— Знаете ли,— продолжал он довольно смущенным голосом,— мысль представляется мне чем-то таким глубоким-глубоким, ясным-ясным, светлым-светлым, а главное — простым. Да и точность также. Чтобы было точно-точно и понятно-понятно, как таблица умножения. Ну и краткость тоже. Как это сделать? Что, по-вашему, тут предпринять?

Тут я понял, что мальчишка действительно пришел для серьезного разговора. Что-то он уж очень почувствовал, чем-то на него этаким повеяло, что-то ему померещилось из важного и нужного. Я сказал:

— Слушай, Чаликов. Ты умеешь плавать?
— О, это мое любимое занятие в течение многих лет, и в детстве, и в юности. Я настоящий пловец.

— Ну, а расскажи, как ты научился плавать.

— Да что тут учиться? Тут и учиться нечего.

— То есть как это «нечего»? Разве не тонут люди от неумения плавать?

— Но ведь это только дураки тонут. Я же не полез сразу в глубину. Сначала берега придерживался. Бросишься, бывало, в речку, а ногами дно все-таки чувствуешь. Потом стал замечать, что, бултыхаясь в воде, в какие-то минуты уже не опираюсь о дно реки ногами, а держусь на воде, не знаю как. В конце концов, откуда ни возьми, у меня появились движения руками и ногами, и я вдруг почувствовал, что плаваю...

— Чаликов!—вскрикнул я.—Да ведь ты молодец. Ты, вижу, из догадливых. И главная твоя догадка заключалась в том, что для того, чтобы научиться хорошо плавать, надо постепенно приучиться к воде, И раз ты это понял, то я тебе скажу так: хочешь мыслить — бросайся в море мысли, в бездонный океан мысли. Вот и начнешь мыслить. Сначала, конечно, поближе к берегу держись, а потом и подальше заплывай.

— Позвольте,— сказал Чаликов.— Как же это так? Где его взять, это море мысли?

— История философии — вот море мысли.

— Значит, опять в вуз? Учебники читать?

— Постой... Я ведь тебе об этом пока еще ни словом не обмолвился. Я сказал о море мысли, о бездонном океане мысли.

— А как же тогда подступиться к этому морю мысли?

— Но ведь ты же сам сказал: чтобы научиться плавать, нужно постепенно приучить себя к глубокой воде.

— Да, но как же это сделать?

— А вот я тебе скажу, как. Ты знаешь, что такое окружающий нас мир?

— Ха, ну кто же этого не знает!

— Ну если ты хорошо знаешь, что такое мир, научи меня,— сказал я.— Я вот, например, не очень знаю.

— Ну что такое мир? Мир — это вот что...— И Чаликов при этом сделал рукою какой-то неопределенно указующий жест.

— Ага, так мир — это, значит, мой письменный стол или книжные шкафы, что ли?

— Но почему же только это?!

— Из твоего жеста рукою я понял, что ты указываешь на предметы в моей комнате.

— Нет-нет, зачем же? Мир — это и все другое.

— То есть как это «другое»? Земля как планета, что ли?

— Нет, почему же? Земля — только часть мира, не весь мир.

— Ага, значит, догадался? Ну а Луна? Это мир или не мир?

— И Луна — не мир.

— Ну а Солнце?

— И Солнце — не мир.

— Ну а созвездие Большой Медведицы? Мир это или опять скажешь не мир?

— Конечно, и Большая Медведица тоже еще не мир.

— Постой, да ты мне не крути голову»
И Земля тебе не мир, и Луна тебе не мир, так где же мир-то?

— Мир — это все. Это вообще все вещи,— ответил Чаликов пока еще с некоторой неуверенностью.

— Эка куда хватил! Как будто ты знаешь все вещи. Говори мне прямо: знаешь ты все вещи или не знаешь?

— Не знаю.

— Но тогда ты не знаешь и что такое мир.

— Да ведь только психические не знают, что такое мир. Ведь это же знают решительно все.

— Пстой, пстой, ты от меня не прячься в кусты. Ты мне скажи: знаешь ли ты, что такое мир, или не знаешь?

— Знаю. Только, правда, не могу сказать об этом толково.

— А раз толковости у тебя нет никакой, то вот давай и посмотрим, что другие говорят о мире. Ну вот, если начинать с самого первого по времени европейского философа, с Фалеса, то, по Фалесу, мир — это наша современная глубокая тарелка, плавающая дном кверху по воде. Скажи, пожалуйста, нравится тебе такое представление о мире?

— Вот так европейский философ! Это какой-то фантазер, а не философ.

— Пусть фантазер. А вот другой греческий философ, Анаксимандр, учил, что в небе существуют своего рода шины, наполненные огнем, и этот огонь прорывается из них в виде тех небесных светил, которые мы видим.

— О господи! Одно лучше другого.

— А греческий философ Ксенофан говорил, что Земля представляет собой неподвижное тело, которое бесконечно распространяется по всем сторонам и уходит в бесконечную глубину.

— Ну и ну! И это называется философией!

— А вот согласно учению греческого философа Анаксимена, Земля есть плоский диск, плавающий по воздуху, и небесные светила тоже плывут по воздуху вроде древесных листьев...

— Ну уж нет! Ведь это все какой-то вымысел, поэзия, что ли, какая-то, а не философия.

— Но тогда позволь сделать один необходимый вывод, от которого ты уже не сможешь отказаться. А вывод этот гласит, что ты уже бросился в воду и уже пытаешься плавать самостоятельно, без опоры ногами о речное дно.

— Как так?

— А так, что ты сразу, прямо с потолка, взял да и разнес миропредставление древних философов, которых все восхваляют как создателей небывалой и высочайшей культуры. На основании чего ты это сделал?

— Да разве тут нужны какие-нибудь основания для опровержения таких-то бредней?! Ведь это и без всяких оснований очевидно само собой!

— Ладно. Тут важно только то, что ты сам раскритиковал огромный период в истории философии на основе полной очевидности. Даже здесь ты уже начал плавать чуть-чуть самостоятельно, то есть чуть-чуть мыслить самостоятельно. Но теперь я хочу спросить тебя о другом. Ты читал Джордано Бруно?

— Нет, не читал.

— А вот у Джордано Бруно и Вселенная бесконечна и состоит из живой самодвижущейся материи, и Земля ходит вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли, и миров вроде нашего — бесчисленное множество...

— Да?! Тут что-то такое есть. Тут не шины Анаксимандра и не древесные листья Анаксимена.

— А что тебе здесь особенно понравилось?

— Да взять хотя бы бесконечность Вселенной!

— Бесконечность Вселенной? А откуда ты узнал, что Вселенная бесконечна?

— Но ведь это же опять ясно само собой!

— То есть как это ясно само собой? Мне, например, не очень ясно. Согласись, ясно тебе в этом вопросе только то, что, в какой бы точке мироздания ты ни оказался и как бы далеко ни отлетел от Земли, все равно можно лететь еще дальше.

— Совершенно верно.

— Но тогда твоя бесконечность есть только отсутствие конца.

— Совершенно верно.

— Но такое определение бесконечности мне совсем не нравится,— сказал я.— Да и вообще, разве можно определить что-нибудь при помощи отсутствия чего-нибудь? Отрицание чего-нибудь еще не есть определение. Если о китайском языке ты знаешь только то, что не знаешь ни того, что китайский язык существует, ни того, что его не существует,—это еще не значит, что китайского языка не существует или что он есть бесконечность.

Мой собеседник ответил:

— Но ведь ясно, что бесконечность — это то, что не имеет конца!

— И все-таки бесконечность есть нечто определенное или, по крайней мере, есть просто нечто!

— Конечно!

— Но если это есть нечто, то что же это такое, в конце концов? Безрукость и безухость тоже есть нечто, но только потому, что всем известны руки и уши. Да и то, отсутствие чего-нибудь говорит мне очень мало. Бесконечность мира есть отсутствие в нем конца. А под отсутствием конца ты понимаешь, видимо, отсутствие пространственной границы...

— Да.

— Значит, ты знаешь, что такое пространственная граница мира?

— Нет, такой границы я не знаю.

— Но тогда получается, что ты говоришь о безрукости, не зная, что такое рука.

Чаликов здесь несколько смутился.

— Да и вообще, Чаликов, почему ты отождествляешь конечность с наличием границы?

— А как же мне думать иначе?

— Вот представь себе шар. И представь себе, что по его поверхности ползет муравей. Ведь сколько он ни будет ползти по этому шару, он нигде не найдет границы для своего движения. И шар в этом смысле будет для него совершенно безграничным. Тем не менее сам-то шар вполне измерим в отношении поверхности и даже обладает вполне конечной величиной. Так это или не так?

— Как будто бы так.

— Но если это действительно так, то ты должен понять современных ученых, которые утверждают, что совместимость безграничности и конечности мира не только возможна, но что только так и может быть. В своем путешествии по миру ты нигде не найдешь его границы, и поэтому ты думаешь, что мир действительно бесконечен. А на самом деле он конечен, хотя дви-

гаться по этому миру ты можешь бесконечно. Более того, этот конечный мир может расширяться, и ученые даже вычисляют, с какой скоростью происходит это расширение.

— Позвольте, позвольте! Вернемся к нашему муравью. Мне хочется спросить: а почему бы этому муравью не отделиться от шара, по которому он ползет, и не взлететь в то пространство, которое уже не есть шар, а только пока еще окружает этот шар?

— Взлететь, конечно, можно,— сказал я.— Но ведь это значило бы для муравья перестать быть плоскостным существом и перестать ползать по поверхности шара, а взлететь в какое-то новое пространство, уже не плоскостное, то есть взлететь в какое-то новое измерение.

— Конечно.

— Но тогда и тебе тоже будет необходимо оказаться в пространстве какого-нибудь высшего измерения, ну, например, хотя бы в четырехмерном пространстве. Тогда ты действительно мог бы судить о пространстве трех измерений, в котором ты движешься. А иначе тебе просто невозможно будет сказать, бесконечно ли на самом деле то пространство, в котором ты двигаешься, или, может быть, оно вполне конечное.

— Да, да! Вот об этом-то я и не подумал. Ведь и на самом деле, судить о трехмерном пространстве можно только с точки зрения четырехмерного пространства, а об этом последнем — с точки зрения пятимерного пространства» И так далее.

— Но тогда ты не должен считать уж такими последними глупцами древних философов, которые тоже умели совмещать бесконечность